

Челпанов Г.И.

МОЗГ И ДУША

КРИТИКА МАТЕРИАЛИЗМА
И ОЧЕРК СОВРЕМЕННЫХ
УЧЕНИЙ О ДУШЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9.016.4

ББК 87.254.4

Ч40

Дизайн переплёта *Алексея Родюшкина*

Челпанов, Георгий Иванович.

Ч40 Мозг и душа: критика материализма и очерк современных учений о душе / Георгий Челпанов. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Советский нон-фикшн)

ISBN 978-5-17-188886-2

Георгий Иванович Челпанов — выдающийся русский философ и психолог, один из основателей отечественной экспериментальной психологии в России, создатель первого в стране Психологического института при Московском университете.

Почему популярное понимание науки о мозге часто уходит в крайности, и как отличить реальные факты от философских упрощений?

Книга «Мозг и душа» обращена к тем, кто не хочет довольствоваться готовыми формулами вроде «мышление — это работа нейронов». Он выявляет ряд фундаментальных проблем: действительно ли анатомия мозга может заменить психологию? Доказывают ли факты зависимости психики от физиологии ее материальную природу? Автор показывает, что наука лишь устанавливает связь явлений, но не их причинность, пытаясь выдать гипотезу за факт. Но отрицая душу как сущность, материалист все равно вынужден объяснять единство сознания и «ощущение себя», что требует допущения некоего субстрата. Эта книга — руководство по философской трезвости в эпоху торжества естественных наук.

УДК 159.9.016.4

ББК 87.254.4

ISBN 978-5-17-188886-2

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Цель этой книги достаточно выяснена в первой лекции, но я считаю нужным к сказанному там прибавить, что, предлагая вниманию публики книгу, посвященную главным образом «критике материализма», я исхожу из предположения, что разъяснение этого вопроса является вполне своевременным.

Я уверен, что некоторые читатели найдут, что в своей книге я разбираю вопросы, которые уже сняты с очереди, которые уже отжили свое время. На это в свое оправдание я замечу следующее.

Если в настоящее время философский материализм и не пользуется в публике «официальным признанием», то тенденция к материалистическому пониманию душевных явлений все еще пользуется большим распространением. Я согласен с тем, что в настоящее время материализм не признается открыто. Теперь, вероятно, немного найдется таких лиц, которые позволили бы себе произнести фразу: «Мысль есть выделение мозга», или «Мысль есть движение». Но не все воздерживаются от этих фраз потому, что ложность их ясно ими сознается: они не станут их произносить только потому, что они привыкли слышать, что этого теперь даже и физиологи не признают. Но разве только в произношении фраз подобного рода выражается материализм? Разве если кто-нибудь говорит, что психологии как особой науки нет и что она, собственно, всецело исчерпывается физиологией мозга, то это не значит понимать психические явления материально? Если кто-нибудь говорит, что психология только тогда будет представлять собою законченную науку, когда все психические явления будут *сведены* на мозговые процессы, и что это есть единственное научно-психологическое объяснение, то разве не ясно, что утверждающий это понимает психические процессы материально? Если кто-нибудь те немногие

физиологические параллели, которые современная физиология могла указать для некоторых психических процессов, считает истинно психологическими фактами, то разве это не равносильно отождествлению психических процессов с физическими? Не очевидно ли, что все эти общераспространенные взгляды¹ могут иметь место только при признании, что *психические явления имеют материальную природу?*

Тенденция к таким взглядам может быть устранена только при ясном различении между физическими и психическими явлениями, на что обращено особенное внимание в настоящей книге. Таким образом, хотя я в своей книге преследую по преимуществу *философскую* задачу, но думаю, что разъяснение вопроса о несостоятельности материализма может иметь и научное² значение. Истинное положение психологии среди других наук может быть определено только в том случае, если будет достаточно выяснено отношение между психическими и физическими явлениями.

Что материализм и теперь еще насчитывает значительное количество последователей, показывает, как мне кажется, и то обстоятельство, что так называемый экономический материализм пользуется у нас большим успехом. Помимо других причин, успех этого вида материализма обуславливается и тем, что многим кажется, что экономический материализм служит подтверждением материалистического мировоззрения.

Вот почему я думаю, что разбор вопроса, которому я посвящаю свою книгу, представляется вполне своев-

¹ Это справедливо не только относительно нашего отечества. Даже в немецкой литературе замечается подобного рода явление. См. Фолькельт И. Э. Современные вопросы эстетики. СПб., 1900. С. 192, 233.

² Если позволительно отделять философию от наук.

ременным, в особенности если принять во внимание, что критика материализма способствует разъяснению и таких вопросов дня, как вопросы о биологическом и экономическом материализме.

По отношению к материализму весьма часто происходит то, что многие, утверждающие, что, собственно, теперь материализм никем не признается, в то же время так или иначе обнаруживают свою принадлежность к самому ненаучному направлению материалистической философии.

Такое явление объясняется тем, что они относятся к категории людей, которые вполне удовлетворяются готовыми формулами вроде «Теперь никто не признает материализма», «Материализм отвергнут наукой» и т.п., каковые они и принимают без всякой проверки, фактически будучи совершенно не в состоянии отрешиться от материализма. Я должен сказать, что книгу свою предназначаю не для такого рода читателей. Когда я писал ее, то имел в виду таких читателей, которые хотя и знают, что материализм не признается наукой, но которые захотели бы *самостоятельно* разобраться в этом вопросе, которые захотели бы сами, *путем самостоятельной работы мысли*, понять несостоятельность материализма. Своей книгой я хотел прийти на помощь именно таким читателям.

В доказательство того, что вопросы, затронутые в моей книге, не относятся к числу запоздалых, я позволю себе привести еще одно соображение.

Содержание моей книги и вопросы, в ней рассмотренные, всецело определяются ее историей.

В курсе «Введение в философию», который я читаю студентам, я, разумеется, не мог обойти молчанием вопрос о несостоятельности материализма. В первые годы своей преподавательской деятельности я, исходя из пред-

положения, что этот вопрос общеизвестен, посвящал ему только одну-две лекции, но это обыкновенно настолько не удовлетворяло моих слушателей, что в последующие годы мне приходилось расширять изложение и даже уделять этому вопросу значительную часть курса. Но так как изложение в форме лекций, принятое у нас в университетах, оставляло множество пунктов неясными, непонятными, то я вопрос о несостоятельности материализма стал делать предметом *практических занятий*, где он подвергся обстоятельному, всестороннему обсуждению. Из этих занятий для меня сделалось ясным, что с материализмом у русской молодежи связываются определенные вопросы, которые обыкновенно в сочинениях по философии совсем не затрагиваются. На них я должен был дать ответы. Этим объясняется своеобразное, может быть, содержание книги. Она сложилась из ответов на вопросы, которые поставлялись участниками практических занятий. Я бы подумал, что вопросы, которые ими поставлялись, есть вопросы случайные, но впоследствии оказалось, что и в прессе в защиту материализма³ были приведены те же аргументы, которые раньше приводились студентами в аудитории.

Одна публичная лекция на тему о несостоятельности материализма показала мне, что и во внеуниверситетской публике имеется интерес к вопросам подобного рода. Это и было причиной прочтения на указанную тему целого курса публичных лекций, изложение которого и составляет содержание настоящей книги.

Эта книга, можно сказать, выросла в аудитории и имела целью ответить на вопросы, которые ставлялись университетской молодежью и публикой. Для

³ По поводу моей статьи «Мозг и мысль» (критика материализма) в журнале «Мир Божий». 1896. № 1, 2.

них она и предназначается. Удовлетворение их запросов в этой области я и имел в виду.

Если читатель, прочтя мою книгу, почувствует себя неудовлетворенным, если ему покажется, что он не получил ответа на *все* те вопросы, которые у него связываются с идеей об отношении между душой и телом, то он должен помнить, что от книги, подобной настоящей, имеющей только значение *введения* в философию, этого и требовать нельзя: законченное решение можно дать только в *системе* философии.

Если же читатель, прочтя мою книгу, почувствует потребность ознакомиться с какой-либо системой философии, то я с чувством полного удовлетворения сочту, что цель моей книги достигнута.

Киев, 19 июля 1900 года

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Что такое материализм?

Современное положение философии. — Причина распространения материализма. — Понятие основного принципа. — Классификация философских учений: материализм, спиритуализм, психофизический монизм. — Отношение материализма к спиритуализму. — Отношение материализма к позитивизму. — Материализм — метафизическое учение. — Материализм философский и материализм экономический. — Определение материализма.

«Ни для кого не тайна, что философия потеряла всякое значение в Европе. Некогда она составляла славу и гордость величайших умов, а в настоящее время она, хотя и составляет еще один из важных элементов общей культуры, но находится в упадке, как об этом одинаково свидетельствуют сетования ее убывающих поклонников и многочисленные ряды ее противников. Теперь с трудом можно встретить людей, которые бы действительно верили в ее широкообещательные обещания, и еще реже таких, которые предавались бы изучению ее с той страстной настойчивостью, с которой целые тысячи посвящают себя науке. С каждым днем все более и более крепнет убеждение в том, что философия по самому существу своему осуждена вечно блуждать в запутанном лабиринте, в котором слоняются ее утомленные поклонники по одним и тем же дорожкам, протоптанным их предшественниками, не нашедшими, как это им хорошо известно, никакого выхода».

Так начинается свою историю философии известный английский философ *Джорж Льюис*. Но если это замечание Льюиса было справедливо лет десять-двадцать тому назад, то оно далеко не может считаться справедливым относительно современного состояния философии в Западной Европе, где интерес к ней вновь оживился.

Что же касается состояния философии в нашем отечестве, то, подражая Льюису, можно было бы сказать: «Ни для кого не тайна, что у нас в России философия более чем где-нибудь не пользуется никаким доверием, что интерес к философии совсем не соответствует интересу к другим наукам», — и это происходит главным образом оттого, что у нас очень немногие знают, что такое философия, какое место она занимает наряду с другими науками, наука ли она, каковы ее задачи, какие методы решения этих задач и т.п.

И до сих пор, несмотря на значительные изменения в характере философских учений в сравнении с предыдущими⁴, у нас царит взгляд, что философия есть та-

⁴ У нас до сих пор склонны под философией разумеать спекулятивные построения времени Фихте, Шеллинга и Гегеля, между тем как сами философы это отрицают. Ср., например, Паульсен Ф. Введение в философию. М., 1899. С. 26–29.

Вундт в *System d. Philosophie* (в предисловии) о метафизике говорит следующее: «Я не считаю метафизику ни продуктом фантазии (*Begriffsdichtung*), ни умозрительной системой, выводимой посредством специфических методов из априорных предположений, но для меня основой ее представляется опыт, единственно возможным методом ее — это применяемое везде уже в отдельных науках связывание фактов по принципу основания и следствия». Из этого можно видеть, что Вундт, один из самых видных представителей современной философской мысли, не считает философию каким-либо умозрительным построением; для него философия, как и все другие науки, имеет своим основанием опыт, но с той только разницей, что философия не ограничивается какой-либо частной областью, как это делают отдельные науки, но имеет своим предметом всю область опыта, и потому является совокупностью всех

кая же отжившая псевдонаука, как, например, алхимия, астрология и т.п. И даже нет недостатка в представителях прессы, которые часто готовы были бы доказывать, что философии нет места среди других отраслей человеческого знания.

Существует взгляд, что будто бы философия и точные науки, и именно естествознание, представляют собой не только нечто противоположное одно другому, но даже прямо, можно сказать, враждебное. Этот взгляд является отголоском старинной вражды между наукой и метафизикой. Между тем при тщательном рассмотрении можно было бы видеть, что между ними так же мало оснований для вражды, как между политической экономией и математикой; они поставляют совершенно различные задачи, обладают различными степенями достоверности; ни один философ последнего времени не претендовал на то, чтобы точность его построений в какой-нибудь мере соответствовала точности построений естествознания.

Многие часто говорят: «Как бы ни были заманчивы те задачи, которые ставляет себе философия, я от ис-

человеческих знаний; она для своих построений пользуется уже готовыми обобщениями отдельных наук. Философия, по Вундту, не стремится к абсолютной достоверности своих положений, как это она делала в былое время; она довольствуется только лишь построением гипотез. Но этого нельзя поставить ей в упрек, так как это делают и все другие науки. Если философия и по своему методу, и по другим приемам не отличается от других наук, то отчего же ей не быть наукой, подобно всем другим наукам?

Эту науку Вундт называет метафизикой и думает, что кто-нибудь, пожалуй, будет протестовать против такого названия. «Может быть, кто-нибудь подвергнет сомнению, целесообразно ли употреблять старое название метафизики для подобного рода исследования. Но я думаю, что если общая цель какой-либо науки остается той же самой, то изменение точек зрения и методов не может служить препятствием для нас сохранить и ее название».

следования их отказываюсь, потому что познание таких вещей, как душа, Бог, начало мира, находится вне пределов человеческих способностей. Познание всего этого относится к области метафизики. Пусть ею занимаются те, у кого есть к тому охота, я предпочитаю оставаться в пределах точной науки, в пределах того, что доступно строгому доказательству; я не желаю заниматься метафизикой». Едва ли что-нибудь можно возразить против похвального желания кого-либо оставаться в пределах точной науки, но вопрос в том, знает ли он, где кончается наука и где начинается метафизика? Это именно вопрос, на который ответить чрезвычайно трудно. Отсюда происходит то, что лица, которые не желают иметь никакого дела с метафизикой, в своих рассуждениях сами оказываются «метафизиками», но уже в дурном смысле слова. Я приведу несколько примеров того, в какие странные противоречия впадают отрицатели философии, недостаточно хорошо с ней знакомые. «Философы, — говорят они, — твердят часто о какой-то духовной субстанции, когда хотят объяснить духовные процессы. Что меня касается, то я никаких субстанций не признаю; по моему мнению, духовные процессы суть не что иное, как функция мозга. Утверждая это, я избегаю всего того мистического, во что впадают философы признанием духовной субстанции; да наконец я нахожусь в полном согласии с теми результатами, которые добыты естествознанием и которые прямо приводят к признанию, что мыслит, собственно, мозг, а что души у человека совсем нет». На это мы можем ему заметить следующее: «Вы употребляете такие выражения, как „духовная субстанция“, „душа“ и т.п., вовсе не справляясь с тем, что значат выражения „духовная субстанция“ и т.п., а ведь, согласитесь, без точного и ясного понимания

этих терминов невозможно, собственно, никакое рассуждение о душе или духовной субстанции. Тот, кто старается оперировать с ними, не справляясь с их философским употреблением, обыкновенно оперирует с популярным их значением и поэтому может легко впасть в метафизику, к которой он относится с таким презрением. Вы думаете, что ваше утверждение „Душа есть функция мозга“ есть утверждение строго научное, а между тем в действительности это есть утверждение именно метафизическое, опять-таки в дурном смысле слова, потому что, как вы увидите дальше, доказать происхождение духа из вещества никак нельзя, если мы пожелаем остаться верными основным положениям современного естествознания».

Многие натуралисты вообще склонны отрицать всякое значение за философией, они склонны мечтать о полном упразднении ее или в лучшем случае склонны думать, что философия всецело покрывается современным естествознанием. Часто говорят, что, например, естествоведение может вполне хорошо решить все те вопросы, которые поставляются философией, и, кроме того, оно совершенно устраняет некоторые вопросы, поставляемые философией, так как считает их совершенно неразрешимыми: например, вопросы о бессмертии души, о конечных целях мирового процесса и т.п. Многие даже думают, что если философы обо всех этих вещах говорят, то это потому, что они, собственно, слишком малосведущи в естествоведении, что если бы они были в этой области так же сведущи, как, например, натуралисты, то они, конечно, тотчас поняли бы всю тщету своих попыток, они поняли бы, что теперь ввиду развития естествознания такие вопросы, как вопросы о природе души, должны быть совершенно устранены, что теперь гораздо целесообразнее

заниматься другими вопросами, несомненно доступными нашему разрешению.

Против этой несовместимости естествознания с философией, несовместимости, в которую многие так искренно верят, говорит сама история. Я назову вам три замечательных имени в современной философии: *Лотце*, *Фехнер* и *Вундт*. Все трое были метафизиками, но, заметьте, Лотце был медиком по образованию, первоначально читал лекции по медицине, Фехнер был профессором физики всю жизнь, Вундт был профессором физики и физиологии. Эти факты, по моему мнению, весьма знаменательны. Они вполне ясно показывают, что естествознание и философия могут вполне хорошо уживаться друг с другом, что вопросы о душе мира, о бессмертии души и т.п. могут привлекать умы, привыкшие к точному исследованию, и что разрешение их не становится в противоречие с основными положениями естествознания. Нужно только помнить, что вопросы, которые естествознание для себя отделяет, вовсе не те же самые, которые относятся к области философии. Все данные науки более или менее подлежат проверке; все они относятся так или иначе к области чувственного опыта; все положения метафизики относятся к области гипотез, конечно, в свою очередь подлежащих проверке. Наука с философией могут жить в мире, если только мы не будем смешивать эти две совершенно различные области.

Задача моих лекций состоит в том, чтобы убедить своих слушателей обратиться к философии и привести их к этому обращению путем отрицательным, именно путем *критики материализма*.

Дело в том, что материализм строит свое миропонимание чрезвычайно просто. По этому учению, в мире существует только материя, и больше ничего. Такие по-